

Н. Н. Петрухинцев

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА***

Активное включение России в систему европейских международных отношений и европеизация страны в первой четверти XVIII в. привели к серьезным изменениям и в составе российской элиты. Одним из побочных следствий этих процессов стала интернационализация элиты – включение в нее различных категорий лиц, характеризуемых еще в XVII в. собирательным термином «иноземцы».

Во второй половине XVII столетия их интеграция в российскую элиту была почти невозможна¹. Иноземцы использовались в первую очередь как военные специалисты, составившие офицерский костяк кадрового состава полков «нового строя», значение которых в структуре русской армии с военными реформами Алексея Михайловича стремительно росло². Вероятно, именно это последнее обстоятельство и привело к тому, что в канун решающей для России XVII века русско-польской войны 1654–1667 гг., когда этот рост уже явственно обозначился³, правительство Алексея Михайловича решилось изменить их статус и положение.

Сложный комплекс мотивов, которые двигали инициаторами перемен (от скончавшегося в процессе их оформления патриарха Иосифа, духовника царя Стефана Вонифатьева, до способствовавшего их окончательной реализации нового патриарха Никона), включал в себя как намерение более тесно интегрировать новую военную элиту в русское общество через принятие православия (что означало одновременно принятие российского подданства и потерю иноземцами собственной идентичности), так и стремление части русской элиты ограничить земельные раздачи иноземцам и вернуть часть розданных им земель, а также изолировать русское православное население от иноземного религиозного и культурного влияния⁴, диссонировавшего с основами еще прочно укорененной в России средневековой христианской культуры в ее православном варианте. Используя как предлог начатое в марте 1652 г. дело о «богохульстве» жены полковника-шотландца Александра Лесли, кальвинистский ригоризм которой исключал соблюдение многочисленных в крестьянском мире церковных праздников и типичное для Руси глубокое почитание икон⁵, лидеры русского духовенства частично добились своих целей: введенный 4 сентября 1653 г. запрет католикам и протестантам владеть вотчинами и поместьями с православным русским населением, привел к волне массо-

* Статья подготовлена при поддержке стипендии, предоставленной фондом Герды Хенкель и Немецким историческим институтом в г. Москве.

вых крещений в православие не только «иноземцев старых выездов», уже укоренившихся в России, но и части «нововыезжего» иноземного офицерского состава. Введенные чуть раньше (осенью 1652 г.) запреты на ношение некрещеными иноземцами русского платья, на наем ими русской прислуги и на проживание в Москве среди русского православного населения, не только стимулировали процесс «перекрещивания», но и привели к видимой сегрегации «некрещеных» иноземцев, результатом которой стала и географическая их изоляция в рамках новооснованной осенью 1652 г. Немецкой (Новонемецкой, или Иноземной) слободы.

Однако процесс «перекрещивания» в среде иноземного офицерства имел в конечном итоге ограниченные масштабы и результаты. По подсчетам А. З. Мышлаевского даже в 1696 г. «новокрещены» составляли 455 из 794 иноземных офицеров, т.е. 57,3% (хотя общее количество офицеров-иноземцев определялось им в 924 чел.), причем он тут же отметил, что они состояли «преимущественно из поляков и литовцев»⁶. Отмеченную им тенденцию мы можем проследить и в составе лишь частично известного нам иноземного корпуса офицеров на 1681/1682 гг.

Ядро верхушки этой части иноземного офицерского корпуса (лиц, имеющих ранги от генерал-поручика до подполковника), составляли офицеры с западноевропейскими фамилиями (92 из 102 известных по именам из учетных в списках⁷, т.е. 90,2%), и лишь 12 чел. из них (13%, т.е. лишь *одна восьмая* часть высших офицеров из западноевропейцев) была крещена, в то время как среди 10 полковников и подполковников со славянскими (польскими и литовскими фамилиями) были крещены 7 (70%). К сожалению, не все списки четко указывают новокрещенных в других офицерских рангах. Однако по достаточно достоверным данным, относящимся к группе «белгородских» (возвращенных после окончания русско-турецкой войны 1673–1681 гг. из Белгородского разряда в Иноземный приказ) офицеров-иноземцев, процент новокрещенных с неславянскими фамилиями среди западноевропейцев в этой группе заметно возрастал в рангах ротмистра и капитана (13 из 43 чел.), то есть почти до трети (30,2%). Но и после этого общее число «новокрещенов» в ранге от генерала до капитана (14 из 81 офицера) все-таки составляло 17,3%, т.е. менее *одной пятой* от «белгородских» офицеров-западноевропейцев в этих рангах. Доля «новокрещенов» среди «белгородцев» со славянскими фамилиями в тех же рангах, напротив, составила 71,4% (20 из 28 чел.). Таким образом, основную массу офицеров среди «новокрещенов-белгородцев» составили офицеры с «славянскими» фамилиями (почти две трети, 58,8% всех новокрещенных), несмотря на то, что их доля в общем составе офицеров-«белгородцев» в этих рангах была относительно невелика и чуть превысила четверть (28 из 109 чел., т.е. 25,8%)⁸.

Офицеры с западноевропейскими фамилиями, скорее всего, составили и основную массу «новокрещенов» во всем иноземном офицерском корпусе России, в большинстве своем принадлежа к его «низам», ибо именно для них крещение было более актуально, поскольку открывало возможность повышения в чине или же сопровождалось денежной компенсацией («жалованием за крещение»), составлявшей к началу 1680-х гг. для офицеров ротного звена уже значимую сумму (для прапорщиков – от 20 до 8 р., то есть примерно двухмесячное жалование при окладе от 7 до 4 р. в месяц)⁹.

Следовательно, офицеры-западноевропейцы и прежде всего элита иноземного офицерского корпуса России, несмотря на правительственные усилия, не спешила переходить в православие, и, несмотря на то, что зачастую принадлежала к династиям, уже прочно осевшим в России, предпочитала сохранять свою религиозную идентичность и право возможного отъезда из России, что еще больше замыкало в изолированный мирок Немецкую слободу.

Результатом стало не только прямое блокирование некрещеным иноземцам путей в российскую элиту, но и растущая их изоляция от российского дворянства, к которому еще в начале XVII в. они, как владельцы земель в российской провинции чересполосно с российскими «служилыми людьми по отечеству»¹⁰, были достаточно близки. С потерей общей экономической базы (землевладения в форме вотчин и поместий) и с переводом не принявших православия в категорию «кормовых иноземцев», главным источником существования которых отныне становилось денежное и хлебное «жалование»¹¹, была потеряна и общность социальных интересов с российским дворянством, что еще более усиливало взаимную изоляцию и уже даже через это формальное отделение от господствующего российского сословия еще сильнее препятствовало проникновению иноземцев в российскую элиту, доступ в которую обеспечивался в первую очередь принадлежностью к верхушке дворянства.

Длительная служба в России без принятия православия, а также изолированное проживание в Иноземной слободе в тесном контакте с иноземным купечеством, вероятно, начали менять и психологию «некрещеных» иноземных дворян – лишенные права владеть в России земельной собственностью, формирующей фундамент мироощущения дворянства, при обычной для России нерегулярной выплате жалования, они волею неволею должны были втянуться в торговые и ростовщические операции ради получения дополнительных источников дохода (о чем, например, свидетельствует дневник П. Гордона за 1680-е гг.¹²), что еще больше изолировало их от дворян русских. Вероятно, вынужденное обособление их в рамках изолированной и внутренне замкнутой Немецкой слободы при-

вело к более тесным контактам временно мигрировавшего в Россию европейского дворянства и «бюргерства» в ее пределах, чем даже в городской среде Западной Европы, и сократило социальную дистанцию между ними, способствовал их сближению. Вынужденная изоляция Немецкой слободы еще больше замыкала иностранную общину в себе и способствовала росту культурной и бытовой изоляции проживавших в ней иноземных офицеров от российского дворянства.

«Сегрегация», в конце концов, коснулась и армии – расхождение в базовых принципах материального обеспечения и несения службы между некрещеными иноземцами и русским дворянством привела к обособлению поместной дворянской конницы и полков «нового строя» как двух достаточно обособленных частей русской армии¹³, несмотря на то, что правительство (особенно в периоды затяжных войн) пыталось активно стимулировать приток в офицерский корпус русских дворян, что, однако, имело ограниченный успех. Исследовавший историю стрелецких частей М. Ю. Романов констатировал, что даже среди начальных людей московских стрельцов «...мы не найдем ни одного представителя родовитого дворянства...», ибо «...по местническим понятиям, господствовавшим в то время, служба в пешем строю стояла ниже службы в конных дворянских полках»¹⁴. По его наблюдениям, «...еще меньше «чести» приносила в XVII в. служба в полках «иноземского чину» – солдатских, рейтарских, драгунских»¹⁵. А. В. Малов отметил «...отсутствие в рядах командного состава даже этих элитных полков (двух Московских выборных полков, ставших впоследствии Бутырским и Лефортовским. – Н. П.) представителей аристократических фамилий русского служилого сословия», и то, что основной их командного состава стали малопоместные и беспоместные дети боярские¹⁶. Поэтому офицерский корпус полков «нового строя» к концу XVII в. во многом составили именно иноземцы (954 иноземных офицера, в том числе 7 генералов и 124 полковника)¹⁷ – русских дворян почти не было в составе офицерской элиты, и даже в армейской офицерской среде тесные контакты между русским и иноземным дворянством были сведены к минимуму.

Конечно, изоляция иноземного офицерского корпуса от русского дворянства не была абсолютной. Русские офицеры все же составляли периодически уже заметную часть офицеров в полках «нового строя». Значительная часть военной службы большинства иноземных офицеров проходила вне Немецкой слободы (где они, даже имея дома, оказывались главным образом зимой и далеко не каждый год) – преимущественно в солдатских и рейтарских полках Белгородского разряда на южных границах, и здесь контакт с российским дворянством был неизбежен. Верхушка иноземного офицерского корпуса тесно контактировала с русской элитой, за-

долго до Петра посещавшей иноземную слободу: еще 22 апреля 1659 г. секретарь датского посольства А. Роде встретил в доме молодого Мартина Бюхлинга в Немецкой слободе князя Ю. И. Ромодановского с двумя другими князьями¹⁸; 29 сентября 1688 г. П. Гордон обедал в Слободе у Элиаса Таборга, где был В. В. Голицын и «большинство из оной (т.е. сторонников Софьи. – Н. П.) партии»¹⁹. Сам П. Гордон, в бытность его с 1678 г. военным комендантом Киева, в 1682–1686 гг. тесно общался с представителями русской аристократии – киевскими воеводами, боярами А. П. Салтыковым и Ф. П. Шереметевым²⁰, на пиру у которого 13 декабря 1684 г. предметом обсуждения служили даже и такие вопросы, как состав и структура российской элиты (совместными усилиями присутствующие насчитали 60 бояр, 40 окольных, более 30 думных дворян и 200 спальников²¹, что довольно близко современным подсчетам²²). Однако, несмотря на то, что некоторые «иноземцы» заняли позиции достаточно влиятельных советников при русском правительстве (как все тот же П. Гордон, бывший вплоть до лета 1689 г. одним из доверенных консультантов и «ближних людей» В. В. Голицына по военным вопросам и политике на южных границах, что и обеспечило в конце концов перед первым Крымским походом его перевод в столицу в январе 1687 г.²³), доступ в элиту был для них закрыт. Более того – им был фактически закрыт доступ и в российское дворянство, что еще больше препятствовало интернационализации российской элиты.

Большинство «старовыезжих» некрещеных иноземцев настолько свыклось с этой ситуацией и оторвалось от фундаментальной основы дворянства – земельной собственности – что, видимо, уже и не стремилось к интеграции в российскую политическую элиту и в российское дворянство, разделенное в XVII в. на множество внутрисословных группировок и в меньшей степени ощущавшее себя единым целым, чем европейское дворянское сословие. Оно в какой-то степени начало адаптироваться к местным условиям и частично усваивать психологию и служебные традиции допетровского русского общества, где все еще был достаточно силен критерий оценки службы не по личным заслугам, а по «отечеству», что с некоторым изумлением отметил еще А. З. Мышлаевский, приведя несколько достаточно поздних (относящихся к 1696 г.) примеров пожалования иноземцев в офицерские ранги не за личные заслуги, а за то, «что брат его родной служил в начальных людях иноземцах и в Азове умре» (в других случаях – «за смерть отца его Якова»; за то, что претенденты – «дети полковника Трейдена») ²⁴.

Поэтому для начала процесса интернационализации российской элиты были необходимы как минимум четыре условия: 1) приток в офицерский корпус «свежей крови» из числа европейских офицеров-дворян, еще не «по-

варившихся» в России, не ослабивших психологии земельных собственников и несущих с собой современные нормы и стандарты поведения европейского дворянского сословия, к тому же внутренне готовых и даже стремящихся к вхождению в «чужую» политическую элиту; 2) военные реформы, объединявшие русскую армию в единое целое, стиравшие «сегрегацию» русских и иноземцев в ней, создавая одновременно и единый офицерский корпус из русских и иноземных офицеров, подчиненных одинаковым стандартам службы и делания карьеры; 3) трансформация российского дворянства в направлении его «европеизации» как сословия, стиравшая обозначившиеся с 1650-х гг. жесткие грани между российской и европейской дворянскими группировками в армии и в обычной жизни, и допускавшая инкорпорацию иноземцев в российское дворянство; 4) структурные изменения в самой российской политической элите, менявшие всю ее конструкцию и открывавшие иноземцам путь в нее.

Все эти процессы разворачивались почти параллельно в 1701 – 1710-е гг. вместе с военной реформой Петра и уже к середине 1710-х гг. стали давать свой результат. Однако к этому времени он был отнюдь не самоочевиден.

Сразу несколько обстоятельств способствовали этому. Во-первых, к этому времени конструкция российской элиты отличалась максимальной неясностью. Фактически в тот момент не было какой-то четкой конституирующей ее основы – Государев двор с доминантой в его составе «думных чинов» (которые и составляли основу прежней элиты²⁵) был основательно разрушен – последним, хотя и пополнявшимся до 1718 г., стал его список 1714 г.²⁶ Однако составление поздних списков Государева двора в большей степени было обусловлено использованием остатков его структуры – слоя так называемых «царедворцев» – а) в качестве кадрового резерва для назначений на гражданские и военные должности²⁷; б) в роли экстренного военного резерва в форме прежней дворянской конницы в случае возникновения экстраординарных потребностей в военной силе, которые не могла целиком закрыть регулярная армия (как это было, например, во время русско-турецкой войны 1710–1713 гг., когда была проведены последние военные их мобилизации в полки М. Г. Ромодановского в 1711 г. (куда должно было явиться 5266 чел. «царедворцев», т.е. половина состава Государева двора, насчитывавшего, по данным А. В. Захарова, в начале XVIII в. 11 тыс. чел.²⁸) и Ф. П. Шереметева в 1713 г. (куда явилось 666 чел.))²⁹; в) для заселения Санкт-Петербурга и строительства там городских дворов³⁰. Подобные списки скорее фиксировали оставленных прежней конструкцией элиты людей, чем уже основательно разрушенную преобразованиями и почти умершую ее структуру.

Во-вторых, почти непрерывные административные преобразования и связанная с губернской реформой деградация значения старых приказ-

ных учреждений не позволяли выстроить четкую иерархию ведомств и связанных с ними чинов, ибо новая система чинов лишь создавалась параллельно старой и практически не соотносилась с ней. Поэтому в данный период элита формируется на основе неясных и неочевидных критериев, нередко обусловленных личными связями руководителей новых ведомств и отдельных личностей с монархом, и во многом выступает в форме ближайшего окружения Петра I (что в достаточной степени уловил С. В. Черников, справедливо попытавшийся использовать в качестве одного из критериев выделения элиты этого времени интенсивность и частоту переписки «персон» с Петром I³¹).

В-третьих, при нарастающей с Северной войной милитаризации общества огромную роль в элите начинают играть военные, что открывает для иноземцев самый мощный канал для вхождения в нее. Однако эта роль пока вовсе не очевидна для общества: формирование военной элиты происходит вне столиц, в военных лагерях, армия все время находится на маршах, падение роли двора и придворных церемониалов не позволяет оценить место представителей военной элиты в элите общегосударственной, которое демонстрируется как раз публичными придворными церемониями.

Поэтому и сами военные-иноземцы не воспринимали в тот момент себя как часть элиты, а по-прежнему считали себя наемными военными специалистами и советниками, не спеша связывать себя с Россией и принимать подданство. Для них по-прежнему сохранялись вероисповедный и социальные барьеры – они не были инкорпорированы в российское дворянство, не имели права владеть земельной собственностью. Этот принцип начинает нарушаться Петром – но преимущественно за счет украинских или новозавоеванных прибалтийских земель (где осуществляются пожалования и не существует для иноземцев запрета для покупки земель), что служит дополнительным средством контроля за окраинными полуавтономиями и интеграции их в российские структуры. Более того – даже в этом случае иноземцам не было гарантировано прочное владение собственностью. П. Г. Брюс, принадлежащий к «немецкой» ветви Брюсов, переманенный с прусской службы на русскую главой «русской» ветви Я. В. Брюсом и некоторое время бывший адъютантом фельдмаршала А. А. Вейде, принадлежавшего, как и Я. В. Брюс, к «старовыезжим немцам», прочно укоренившимся в России, дает выразительный пример этого, связанный как раз с А. А. Вейде. Петр в 1710-е гг. пожаловал ему и его наследникам имения в Лифляндии с годовым доходом в 12 тыс. р., но Вейде к моменту своей смерти 4 июня 1720 г. имел прямой наследницей лишь внучку, дочь генерала П. Лефорта, к которой должно было перейти его состояние – однако Петр под влиянием своего фаворита А. И. Румянцев

ва лишил ее права распоряжения даже движимым имуществом, фактически конфискованным в пользу государства, после чего и сам П. Г. Брюс, возмущенный столь несправедливым поступком в отношении отнюдь не рядового иноземца, а значимой и уважаемой персоны, отказался от намерения осесть в России, «невзирая на все обещаемые выгоды и преимущества»³², и действительно, вскоре покинул Россию. Таким образом, эта «новая военная элита» даже к середине 1710-х гг. пока вовсе не была очевидна для России и российского общества в качестве ветви правящей российской элиты.

В-четвертых, исследователи, начиная с Р. Крамми, уже неоднократно отмечали высокий уровень аристократизации российской элиты при Петре I³³, а П. Бушкович, анализируя перипетии политической борьбы, выделил даже этап своего рода «реструктуризации элиты» при участии самого Петра в 1709–1715 гг., явно сдержавший развитие в ней новых тенденций к частичной ее «демократизации» и сопряженный с ударом по представителям «новой элиты» – Меншикову и его окружению³⁴. К тому же многие представители «нового», не связанного с Государевым двором слоя элиты³⁵, поднявшиеся в нее к концу петровского царствования (люди типа А. И. Ушакова, М. Я. Волкова, Г. П. Чернышева, П. И. Ягужинского, А. И. Румянцева и др.), в 1710-е гг. еще только «растут» и не заняли прочных позиций в «верхах».

Сам Петр отнюдь не был противником аристократии, и даже после «дела царевича Алексея», выявившего, как показал П. Бушкович, скрытые оппозиционные настроения прежде всего в аристократической части элиты³⁶, продолжал придерживаться прежних взглядов. Это опять рисует выразительный эпизод, передаваемый П. Г. Брюсом: на поминках все того же А. А. Вейде в начале июня 1720 г. произошла крупная ссора между А. Д. Меншиковым и князем Голицыным с громкими взаимными оскорблениями, которые услышал Петр из соседней комнаты, после чего, поспав за Меншиковым, сделал ему жестокий выговор, добавив, что «светлейший» не должен забываться, и помнить, что он лишь «новичок», «выскочка» («he was only of yesterday»), «... в то время как князь Голицын – из древней фамилии Ягеллонов, литовских князей, а затем польских королей, и приказал ему просить перед всеми прощения у Голицына, что тот и принужден был сделать»³⁷.

В-пятых, в середине 1710-х гг. и сам Петр явно не отдает себе отчета в конструкции собственной элиты, не формулирует ее принципы – в том числе и потому, что ему просто некогда этим заниматься. В столицах царь бывает пока еще редко, преимущественно зимой и весной, между военными кампаниями и в период подготовки к ним.

Поэтому вплоть до конца 1710-х гг. вопрос о конструкции политичес-

кой элиты и о критериях принадлежности к ней отдельных персон был максимально неясен для российского общества и даже самого царя, а потому и иностранцы, находившиеся уже «на пороге» российской элиты (и даже за ним), пока не ощущали вполне свой причастности к ней. Выразительную картину этого дает переданный В. Н. Татищевым в его «Лексиконе» диалог Петра I с уже давно укоренившимся в России Я. В. Брюсом (относимым Татищевым к несомненным «временщикам», т.е. фаворитам царя³⁸), которого царь, при отправлении в 1717 г. на Аландский конгресс, пытался произвести в чин действительного тайного советника (аналогичный, по Татищеву, прежнему чину «комнатного боярина»). Однако Брюс, уже имевший к тому времени высокий чин генерал-фельдцейхмейстера, «...уведав о том, сам его величеству представлял, что хотя он *подданный, но иноверец*, оной чин ему *неприличен* и может впредь его величеству подать причину к сожалению; ему же иногда в разсуждениях церковных присутствовать, а по малой мере говорить ничего неможно, что ему не безприкорбно будет (здесь и далее выделения мои. – Н. П.)». Показательная и реакция самого Петра: «Того ради его величество определил *никому тех первых дву рангов иноверцом не давать*, разве по заслуге при войске главным генералом»³⁹. Следовательно, в тот момент (на конец 1717 г.) вопрос о необходимости открытия доступа иноземцам в российскую элиту не был до конца решен и самим Петром, во всяком случае ставившим этому проникновению известные пределы и не желавшим пока допускать иноземцев на самые «верхи» правительственной иерархии.

Таким образом, начавшийся процесс интеграции иноземцев в российскую элиту совершался в 1700–1710-е гг. пока в скрытом, «латентном» виде, почти неосознанно для самих его участников и фигурантов. Но он уже шел, и первые успехи в нем были достигнуты. В этом процессе уже назревал перелом, который обозначился несколько позднее, в 1718–1722 гг., на заключительном этапе петровских реформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века. М., 2004. С. 121–122.

² Чернов А. В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 145, 168.

³ Опарина Т. А. Полковник Александр Лесли и православие. // Иноземцы в России в XV–XVII в. Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. М., 2006. С. 149.

⁴ Опарина Т. А. Указ. соч. ... С. 152–153; 162–164.

⁵ Там же. С. 150–153.

⁶ Мышлаевский А. З. Офицерский вопрос в XVII в. (Очерк из истории военного дела в России). СПб., 1899. С. 38–39.

⁷ Это реальное число несколько отличается от номинального числа офицеров, ведомых в списках Иноземного приказа.

⁸ Все подсчеты произведены нами по: РГАДА, Ф. 210, Московский стол, № 630, Л. 64–181; 628–655. Конечно, они несколько условны, поскольку точно определить «славянские» (точнее «незападноевропейские», поскольку в эту категорию входили, например, крещеные мусульмане и др.) или «западноевропейские» корни фамилии не представляется возможным, и поверхностные экспертные оценки могут быть неточны, но, они, по крайней мере, отражают общую тенденцию.

⁹ РГАДА, Ф. 210, Московский стол, № 630, Л. 475–479.

¹⁰ *Лантева Т. А.* Земельные владения иноземцев в Московском уезде в XVI–начале XVII вв. Иноземцы в России в XV–XVII в. ... С. 284–291.

¹¹ *Опарина Т. А.* Указ. соч. ... С. 165.

¹² *Гордон П.* Дневник. 1684–1689. М., 2009. С. 41 (занятие откупными операциями в Киеве в 1684 г.).

¹³ *Петрухинцев Н. Н.* Немцы в политической элите России в первой половине XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе». К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 71–72.

¹⁴ *Романов М. Ю.* Стрельцы московские. М., 2004. С. 97.

¹⁵ Там же. С. 97.

¹⁶ *Малов А. В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. 1656–1671. М., 2006. С. 159.

¹⁷ *Мышлаевский А. З.* Офицерский вопрос в XVII в. С. 38.

¹⁸ *Роде А.* Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда в 1659 г. // Утверждение династии. М., 1997. С. 29.

¹⁹ *Гордон П.* Дневник... С. 176.

²⁰ Там же. С. 15, 31, 38, 41, 42, 46, 50 и др.

²¹ Там же. С. 39.

²² *Crummey R.* Aristocrats and Servitors: the Boyar Elite in Russia, 1613–1689. Princeton, 1983. P. 12–33; *Черников С. В.* Российская элита эпохи реформ Петра Великого: состав и социальная структура // Государство и общество в России XV – начала XX века. Сб. ст. памяти Н. Е. Носова. СПб.: Наука, 2007. С. 367.

²³ *Гордон П.* Дневник... С. 6, 7–11, 128–131, 134, 137 и др.

²⁴ *Мышлаевский А. З.* Указ. соч. С. 41.

²⁵ *Черников С. В.* Российская элита эпохи реформ Петра Великого... С. 367.

²⁶ *Захаров А. В.* Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск, 2009. С. 14.

²⁷ ДППС. Т. 1. СПб., 1880. С. 11, 49, 239–240; 271–272; Т. 3. Кн. 1. СПб., 1887. С. 226–227; 265–267; 646; 788–789; Т. 4. СПб., 1888. С. 100, 194–195 и др.

²⁸ *Захаров А. В.* Указ. соч. С. 8.

²⁹ ДППС. Т. 1. С. 44–46; 49–50; 66; 176; Т. 3. Кн. 1. С. 33, 110–111; 586–587.

³⁰ ДППС. Т. 4. С. 231–232.

³¹ *Черников С. В.* Российская элита эпохи реформ Петра Великого... С. 381–383.

³² *Bruce P.* Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer, in the services of Prussia, Russia and Great Britain. London, 1782. P. 202–206.

³³ Обзор этих взглядов и аналогичная точка зрения самого автора: *Черников С. В.* Российская элита эпохи реформ Петра Великого... С. 367–368; 370; 373–376; 380–386.

³⁴ *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008. С. 297–344.

³⁵ *Черников С. В.* Российская элита эпохи реформ Петра Великого... С. 378–379.

³⁶ *Бушкович П.* Петр Великий... С. 415–423, 431.

³⁷ *Brice P.* Memoirs ... P. 209–210.

³⁸ *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 224.

³⁹ Там же. С. 257.

Е. В. Бородина

**ОПЫТ ИМПЕРСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ ПЕРВОЙ
ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА: КОММУНИКАЦИЯ РУССКИХ И
ИНОРОДЦЕВ ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНО-СЛЕДСТВЕННОЙ
ДОКУМЕНТАЦИИ***

Взаимоотношения между нерусскими народами Урала и Сибири и русскоязычным населением представляют значительный спектр вопросов для научного освещения. Именно поэтому практически в каждом исследовании, посвященном истории российской колонизации встречаются сюжеты о жизни инородцев, христианизации, инкорпорации районов их проживания в состав государства¹. Несмотря на большое число подобных работ и разнообразие историографических оценок колонизационных процессов Урало-сибирского региона², до сих пор остается практически не освещенной такая тема, как создание системы государственного управления на осваиваемых территориях. В данных сочинениях историки останавливаются лишь на организации новых органов власти, формировании их штатов, способах взаимодействия между центральными и региональными органами власти.

Подавляющая часть данных исследований обращает основное внимание на административные структуры XIX в. и фокусируется на изучении устава «Об управлении инородцев» 1822 г.³ Таким образом, вопрос использования «новых» государственных учреждений инородцами остается практически неизученным.

Цель статьи – осветить характер взаимоотношений между русским и инородческим населением Урала и Западной Сибири и степень их вовлеченности в систему государственного управления, сложившуюся в ходе проведения судебно-административных реформ первой четверти XVIII в. Более точные хронологические рамки рассматриваемо-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России ГК 02.740.11.0578.